

ВСТРЕЧИ У ТИХОГО ДОНА

ЕЩЕ несколько минут назад мне казалось, что именно оттуда, с тропинки у обрыва, Дон виден во всей широте майского разлива — вплотную подступивший к крутому вешенскому берегу, лизнувший низины на другом. Внизу, меж затопленным кустарником и старыми ивами, гуляла на воле синяя лодка, упущенная озорными станичными мальчишками. Их звонкая суета, вскрики — вода в реке еще очень свежа — сопровождали меня, пока я поднималась по осыпающемуся склону вверх — на улицу Шолохова, к дому Михаила Александровича. Он расположен в самом центре станицы, но мне, впервые приехавшей в Вешенскую, почему-то хотелось открыть его калитку мокрой от донской воды рукой.

И вот теперь уже в кабинете писателя ловлю себя на том, что вновь не могу отвести взгляда от Дона. Из этих окон второго этажа он — серебристый, поистине тихий и величавый в обрамлении уходящих в голубизну далей. Он — шолоховский. Как и эти дали — близкие и родные хозяину кабинета.

Не только рукой — взглядом боишься прикоснуться к бесценным реликвиям. На письменном столе — стопка книг, очки, зажигалка, мундштук с угасшей сигаретой... Топорщится страничками блокнот. Дреmlют стрелки отложенных в сторону наручных часов...

Рассказывает

М. П. Шолохова

— Когда работал, время для него как бы и не существовало, — чутко заметив мой взгляд, поясняет Мария Петровна Шолохова. — Часто и мне приходилось вместе с ним ночи коротать. А когда и пойдешь ляжешь. Проснешься — он все сидит. Спросишь, не пора ли, отдохнуть ведь надо. И услышишь: «Подожди, еще совсем немножко». Я уж знала, что это «немножко» у него — пока свет за окнами не появится.

Мария Петровна и теперь ежедневно поднимается в эту комнату, внимательным взглядом осматривает каждую мелочь — все ли так, как было? Подолгу сидит в этом кресле перед столом, перебирает фотографии, письма, ласково проводит ладонью по переплетам книг. Обычно в это время никто не заходит сюда. Они, как и прежде, здесь только вдвоем — задумается ли, взгрустнет ли, улыбнется своим мыслям. Шестьдесят лет вместе.

— Вон, видите, стоит простая керосиновая лампа? В молодости при ней писал. Абажуры из газеты не успевала менять. К утру в комнате воздух весь сизый — мало что табак, абажур над лампой дымится. А он все сидит — с бумагой, как с человеком, беседа ведет. Так и объяснял — не могу же на полуслове бросить. Но как закончит что-нибудь, сразу ко мне: «Собирайся, через пять минут едем в Москву. Надо рукопись сдать». А жили тогда так, что и пяти минут на сборы не требовалось — все богатство на себе. Да что там — в Москве в первый год после свадьбы Михаил Александрович за любую работу брался — и сапожничал, и мостовые клал, а ночью писал. И успокаивал меня: «Не всегда все бывает сразу. Вот напишу большую вещь, будут издавать не только здесь, но и за границей». И так твердил он об этом говорил, что я поражалась и... верила. Верила еще и потому, что никогда в жизни не встречала человека с такой удивительной работоспособностью.

Уже потом, когда врачи запретили ему писать по ночам, стал вставать рано утром, чтобы еще

до завтрака восполнить потерянные ночные часы. Днем-то ведь он по-прежнему еще и читал массу книг, журналов, газет, разбирал письма, играл с детьми, сочинял им всякие потешки, сказки. Одна сказка порой растягивалась на несколько недель, а то и месяцев. Дети слушали как завороченные. И к книгам их сызмальства приучал. Сам-то он уже с детских лет много читал. Его отец как-то рассказывал, что терпелся в разговорах с Мишей. Не по годам серьезные темы сын выбирал. В четырнадцать лет вместе с отцом сочинения Спинозы разбирал.

— Мария Петровна, а правда ли, что в рассказе «Нахаленок» есть автобиографические мотивы?

— Я одно только могу сказать, что в рассказе отец зовет сына не Мишей, а Минькой. Именно так звал Михаила Александровича его отец.

Он одно время на мельнице работал. Завозы там большие, людей разных много, вот в этой-то гуще Миша и проводил все время. Его оттуда не вытащить — мать не дозволит. А вернется домой, такие интересные подробности расскажет, что отец только руками разведет — с одними людьми встречались и разговаривали, а я ничего этого и не заметил. Да и сама я потом не раз удивлялась, как Михаил Александрович впитывал в себя множество на первый взгляд ничем не примечательных фактов, разговоров, событий. И еще что поражало — это безграничная доверительность к людям. Старался в каждом добро разглядеть. И если видел это добро — последним готов был поделиться. И так все шестьдесят лет, сколько знала его.

— Мария Петровна, рассказывают, что на вашу золотую свадьбу все дети вышли к столу и запели старую казачью песню... У вас в семье ведь любили донские песни?

— Дети у нас все хорошие певцы. Я их всегда заслушивалась. Бывало и отец подхватывал, а то и сам запевал. Сколько раз думали на магнитофон записать, да так как-то и не собрались. Михаил Александрович

ведь очень музыкальный был — самоучкой и на рояле, и на мандолине играл. Песни многие любил, а кроме донских, одну особенно — «По диким степям Забайкалья...»

Мария Петровна на мгновение умолкла, и я в тишине кабинета попыталась представить себе голос поющего Шолохова.

— Просто на все смотрели, не задумывались о каком-то особом значении, о том, чтобы сохранить. Теперь, конечно, жалею, что так и не записали на магнитофон...

Вдруг какое-то иное воспоминание разглядело морщины на лице Марии Петровны, и она совсем по-молодому, легко и красиво, сомкнула встрепенувшиеся руки.

— Отдыхать Михаил Александрович тоже умел. На курорты мы с ним не ездили. А вот на охоту или рыбалку — другое дело. Я ведь тоже стреляла не хуже. Однажды даже мужнины с пустыми руками возвратились, а я с двумя гусями. Хотя Михаил Александрович порой подтрунивал, он на это мастер был. Сам уговаривает поехать, а приедем, говорит: «Не женское это дело, ты бы лучше дома сидела, носки мужу штопала».

Природу, землю любил он очень, открытой душой воспринимал ее — живую, свободную, не уставал удивляться и восхищаться ею. Часто в саду или в огороде зовет меня, будто что-то произошло, подойду, а он, радостный, возбужденный, говорит: «Посмотри, еще вчера огурец всего-то вот такой был, а сегодня!..»

Думаю еще только поженились, думала я, учиться ли, на работу устраиваться. А он сразу мне сказал: «Работать ты будешь только у меня». Я не поняла тогда, а ведь он прав был. Он ночью напишет, а я днем, пока он работает, переписываю, а позже перепечатаю. Но не это было для него важно. Главное, чтобы я всегда была рядом, до последней минуты. Горе и радость — поровну делили. В этом и было мое счастье...

Мария Петровна, будто поправляя, дотронулась до ранних фотографий на рабочем столе Михаила Александровича, задумавшись.

А. СОФРОНОВ и А. КАЛИНИН в гостях у М. А. ШОЛОХОВА. Из архива А. Калинина.

М. А. ШОЛОХОВ и М. П. ШОЛОХОВА в саду. 1974 г.

Рабочий кабинет М. А. Шолохова.

Фото В. ЧУМАКОВА. Публикуются впервые.

малась, глядя на них. Молодой еще Шолохов, с улыбкой смотрит на склонившуюся к нему Марию Петровну. Как и тогда, они вместе...

Рассказывает

А. В. Калинин

Словно оттолкнувшись от крутого вешенского яра, катится донская волна с верховьев мимо станиц и хуторов Среднего Дона дальше на юг. Мне же нужно именно в эти края, на хутор Пухляковский, где живет писатель Анатолий Калинин. Второй разговор о Шолохове — с ним.

Начался он с вопроса о первых встречах с Михаилом Александровичем. В своих очерках о Шолохове, составивших книгу «Вешенское лето», Анатолий Калинин уже рассказывал о них и сейчас, улыбаясь, вспоминает подробности:

— Я познакомился с Михаилом Александровичем году в 1937-м. Приехал по заданию «Комсомольской правды». Встретил он меня полулежа на тахте, рядом — книга о Суворове и трубка с табаком. Тогда где-то на охоте или рыбалке подхватил он малярию, тяжело переболел. И я в статье «В гостях у Шолохова» упомянул о том, как вешенцы заходят справиться о его здоровье. В следующую нашу встречу Михаил Александрович меня шуточно попрекнул: «Ну вот, ты и задал мне дело. Как стали все писать мне — что со здоровьем, чем болен, когда поправлюсь...»

Второй раз я приехал к нему с Карельского фронта зимой, сквозь метель, в кузове полуторки. Продрог — все-таки 150 км от Миллерова. Шинель вся в блестках, да и сам я, видимо, показался Михаилу Александровичу не лучше, потому что, как только я появился в Вешенской на пороге, он сразу стал меня «лечить». И в обратный путь дали мне тулуп, чтобы не мерз. В Миллерове я попо-

сил шофера передать его обратно. Прошло много лет, мы уже не раз с тех пор виделись, и вдруг однажды Шолохов спрашивает, с хорошим своим прищуром: «А где тулуп?» Я удивился. Тогда он посмотрел на меня с улыбкой: «Ох уж эти пугачевцы...»

Ему было свойственно какое-то удивительное величие простоты или, может быть, простота величия. Михаил Александрович никогда не навязывал своего мнения, не был деспотичен в отношениях. Но стоило ему почувствовать фальшь, увидеть, что перед ним начинают кривить душой, — сразу же замолкал, мог быть сдержанно-суров.

Людей он по рангам не делил — большой ли, маленький. Каждый был необыкновенно интересен, каждый — роман или повесть. Он умел влюбиться в людей, и это любовное отношение к ним освещает все его творчество. Недаром же он говорил, что хотел показать в Григории Мелехове очарование человека в человеке.

Слушать Шолохова и видеть было праздником. Рассказчиком он был превосходным — ни одного лишнего слова, и в то же время все живо, образно, с юмором, с любованием характерами, судьбами... Выразительны жесты — он мог досказывать ими, как будто в воздухе лепил! Трудно было приметить в его устных новеллах ту грань, когда народная речь переходит в изысканную словесность.

Аристократизм духа, внутренняя грация, благородство мысли и слова, предельная простота — все это органично сочеталось в нем.

— Анатолий Вениаминович, случалось ли вам обсуждать с Шолоховым профессиональные проблемы, вопросы творчества?

— Я никогда не спрашивал его совета, знал, как он занят, как мало остается у него времени для своей работы. Впрочем, однажды такой разговор возник. Шолохов узнал от кого-то, что я, после того как год прожил на цимлянкой стройке, пишу роман «Запретная зона». Позвонил мне из Ростова, встретились, и он спросил: «Ты пишешь роман. Говорят, у тебя там мешок материала?» Я ответил, что пока еще сам не знаю, что напишу... «Ты помни — тема острая, и никогда не забывай о том, как она работает в твоём исполнении».

Специально расспрашивать его не стоило — общение с ним само по себе воспитывало. Убеждало: «Не ври. Будь правдив и в жизни, и в литературе». Каждая встреча с Михаилом Александровичем помогала понять не только его, но и себя, свои творческие задачи. Это было какое-то особое влияние, не прямое. Образ жизни Шолохова,